

Содержание

Предисловие	9
1. Подъем	13
2. Одевание	41
3. Посещение уборной	118
4. Забота о внешнем виде	131
5. Утренняя гимнастика	180
6. Завтрак	189
7. Главное дело дня	210
8. Снова дома	250
9. Обед	297
10. Дневная работа продолжается	303
11. Дети идут в школу	338
12. Редкие часы досуга	372
13. Ужин	434
14. Ванна перед сном	459
15. За дверью спальни	479
Послесловие	519
Благодарности	522
Фотоматериалы	525

Предисловие

Я хочу изучить историю частного, личного, материального — так сказать, изнанку истории, — которая воспевает обыденность и позволяет воссоздать жизнь простых людей, взрослых и детей, через соприкосновение с их бытом. Я намереваюсь понять, как мыслили наши предки, узнать об их надеждах, страхах и домыслах, какими бы незначительными они ни были. Одним словом, я хочу отправиться на поиски истории тех вещей, которые составляют реальность повседневного, и понять, как на самом деле жилось в другое время и в другом месте.

История пришла в мою жизнь как хобби и стала сначала страстью, а после — лишь стоило искре зажечься — профессией. В попытках постичь прошлое я с самого начала уделяла много внимания экспериментальному аспекту. Мне нравится погружаться в изучение тех вещей, которые люди создавали и использовали в прошлом, и на собственном опыте узнавать, как это работало.

Возьмем, к примеру, темный шерстяной пиджак, который лежит в ящике комода в маленьком музее в Западном Сассексе. Сильно изношенный, в разномастных заплат-

ках, он принадлежал работнику с фермы и датируется 1880-ми годами. Пиджак напоминает нам, что его владелец был человеком, который потел, оставлял на одежде пятна и очень страдал от холода. Его жена потратила не один час, чтобы тщательно и бережно залатать прореху (и сейчас чуть заметную с правой стороны пиджака, рядом с пуговицами). Рассматривая эти аккуратные стежки, я вспоминаю учебники по шитью, которые были в ходу в викторианских школах для детей рабочего класса. Поиски на книжных полках принесли мне стопку инструкций с красиво нарисованными схемами. Я могу вооружиться иглой и ниткой и, следуя советам, заштопать одну из собственных вещей. Жена работника, очевидно, очень хорошо владела этим навыком (особенно по сравнению со мной). Но у меня возникают новые вопросы. Насколько широко обучали такому рукоделию? Только ли женщины обычно занимались ремонтом одежды? Чтобы закончить, мне понадобилось больше часа — насколько быстрее справились бы викторианские женщины? Какое время они выбрали бы для этой работы в череде других домашних обязанностей?

Такие подробности создают ощущение связи с людьми прошлого и вместе с тем открывают дорогу к масштабным историческим сюжетам. Прореха на мужском пиджаке заставляет задуматься о сути массового образования или заинтересоваться текстильной промышленностью в глобальном плане. Точно так же масштабные политические и экономические изменения возвращают нас к событиям частной жизни. Так, международное движение за отмену рабства и Гражданская война в Америке повлекли за собой крах хлопковой торговли, что заставило английских ткачей голодать. Из-за всего этого стоимость пиджака значительно возросла, а его ремонт стал для рабочего неизбежным.

Правление королевы Виктории длилось более 60 лет и ознаменовалось крупнейшими социальными, политическими и экономическими переменами. Отрасли промышленности развивались и приходили в упадок, научные открытия в корне переворачивали старые представления о мироустройстве. Человеческие понятия о добре и зле также подвергались переоценке, вслед за этим менялось и законодательство. Учитывая масштаб и разнообразие этих явлений, трудно сказать, что такое быть викторианцем.

Но я попыталась это сделать в своей книге. В ней представлен результат частного исследования, в ходе которого я руководствовалась любопытством, своими вкусами и интересами. Здесь многое пропущено, но вы найдете немало превосходных книг, подробно рассказывающих о политических, экономических и организационных изменениях, происходивших в Викторианскую эпоху. Я же рассмотрю все стороны бытовых будней викторианцев и приглашаю вас туда, где сама бродила в поисках следов той эпохи.

В своем повествовании я решила придерживаться типичного распорядка дня, начиная с пробуждения утром и заканчивая тем, что происходило поздно вечером за закрытыми дверями спальни. Я старалась проникнуться мыслями и чувствами людей того времени, знакомясь с ними по дневникам, письмам и автобиографиям, и далее переходила к журналам и газетам, рекламным объявлениям и сборникам советов, целью которых было просвещение публики и формирование общественного мнения. Повседневная жизнь наложила отпечаток на те вещи, что люди оставили после себя — от одежды и помазков для бритья до игрушек, автобусных билетов и кастрюль. Кроме того, большое влияние имели общепринятые правила и нормы — от белых линий разметки на футбольном поле до среднего балла у выпускников школ.

В погоне за обыденным и повседневным я старалась на собственном опыте познакомиться с разными сторонами той жизни. В основном этот опыт я приобрела в течение года, который провела на викторианской ферме, и еще некоторого времени в лавке аптекаря во время съемок нескольких исторических телесериалов. Также он стал результатом моих непрекращающихся исследований: я готовила по старинным рецептам, шила одежду, соблюдала гигиенические рекомендации и выстругивала игрушечных солдатиков. Весь этот опыт оказался полезным, хотя результат не всегда был успешным, и помог мне сформулировать вопросы, а также выработать критическое отношение к имеющимся свидетельствам. И наконец, в исследовании мне было никак не обойтись без некоторой доли воображения и умения поставить себя на чужое место. Итак, давайте начнем — представим себе, что викторианская ночь подходит к концу и мы просыпаемся.

1

Подъем

Для начала вас пробирала дрожь. Богаты вы или бедны, в городском доме живете или на ферме, едва проснувшись, вы чувствовали холод. У обеспеченных людей в спальнях иногда стояли камины, которые топили дровами и углем, правда, огонь в них разводили редко. Джейн Карлайл, жена шотландского публициста Томаса Карлайла (Карлейля), в 1850-х годах жила в модном лондонском особняке (см. цветную илл. 8). Несмотря на то что семья имела приличный доход, огонь в верхних комнатах разводили лишь в самом крайнем случае — если кто-то заболел. Однажды в доме богатого друга специально для Джейн Карлайл развели огонь, и она посчитала это «непристойной роскошью». Вдобавок женщине пришлось из-за этого чувствовать себя виноватой, ведь она отличалась крепким здоровьем.

День Джейн Карлайл начинался примерно в половине восьмого, но ее служанка вставала намного раньше. Миссис Битон в своей «Книге о ведении домашнего хозяйства» (Book of Household Management) рекомендует горничным начинать работу летом в шесть, а зимой в половине седьмого или в семь — в зависимости от того, когда станет достаточно светло. Ханна Каллуик всю жизнь прора-

ботала служанкой и долгие годы вела дневник, в котором ежедневно описывала все свои дела. Аккуратным почерком синими чернилами она писала, что обычно просыпается в шесть, а если предстояло сделать много дел, могла встать намного раньше. Весенняя уборка, начинавшаяся, когда дни заметно удлинялись, требовала подъема в пять утра, но иногда Ханне случалось поспать подольше. На Рождество в 1863 году она нежилась в постели неслыханно долго — до восьми. Каждое утро, пока не проснулась семья ее работодателя, она разводила огонь, вытряхивала половики, протирала мебель в гостиной, завтракала, чистила обувь и отдраивала щеткой ступени парадного крыльца.

Большая часть трудового люда поднималась с рассветом, но у многих время подъема было определено более строго. Тем, кто должен был вставать очень рано и приходиться на работу к определенному часу, например фабричным рабочим, неоценимую услугу оказывал колотильщик. Вооружившись длинной тростью и фонарем, он ходил по улицам и стучал в окна своим клиентам. Эта необычная профессия появилась из-за того, что часы были дороги и очень немногие рабочие их могли себе позволить. А вот колотильщик, один раз потратившись на часы, в дальнейшем обеспечивал себя скромным заработком. Он работал ночью и рано утром, и каждый из его многочисленных клиентов платил ему один пенни в месяц. Колотильщиков можно было встретить в больших городах и промышленных городках по всей Британии, от Портсмута до Инвернесса, и даже в небольших торговых городах, таких как Болдок в Хартфордшире, где на одном из трех местных пивоваренных заводов имелся специально нанятый человек, который в три часа ночи будил заводских извозчиков. Население Болдока составляло всего две тысячи человек, но среди них хватало работников железной дороги, пивоваренных заводов и множества небольших мастерских, так что колотильщик не оставался без дела.

Рис. 1. Колотильщик со своими инструментами, около 1900 г.

В каком бы часу вы ни просыпались, вам хотелось сделать холодное утро чуть более уютным и опустить ноги не на голый деревянный пол, а на прикроватный коврик. Представители аристократии застилали полы спален прекрасными ткаными коврами, но в детских комнатах нередко обходились старыми, повидавшими лучшие дни в парадной части дома. У менее обеспеченных людей с коврами было туго. Если вам повезло жить в регионе с развитой текстильной промышленностью, например в одной из областей Йоркшира, вы могли изготовить тряпичный коврик. Это не требовало большого труда, однако расход материала был значительный. Люди, жившие возле ткацких фабрик, могли добавить своему утру тепла, так как имели доступ к дешевым обрезкам и бракованной материи.

В свое время я изготовила несколько ковриков, используя две главные техники той поры: в первом случае продевала металлическим крючком полоски ткани через

основу из мешковины, во втором сшивала отдельные полоски в одну длинную, которую затем сворачивала в спираль и скрепляла стежками. На коврик длиной всего 90 см и шириной 60 см уходит столько же ткани, сколько на три одеяла. Для людей, не имевших доступа к отходам местного текстильного производства, это было настоящей роскошью. Так что в семьях рабочих гораздо чаще можно было увидеть крошечные коврики площадью меньше 900 см² из пришедшей в негодность одежды и обрезков, оставшихся от шитья. По сравнению с ковриками эдвардианского и других, более поздних периодов особенно заметно, насколько маленькими были прикроватные коврики в Викторианскую эпоху. И все же этот простой квадратик ткани мог как следует подбодрить викторианца, собиравшегося с духом, чтобы начать свой день.

Помимо того что в викторианских спальнях не разжигали огонь и редко стелили прикроватные коврики, там зачастую оставляли открытыми на всю ночь окна, чтобы не препятствовать циркуляции воздуха. Скорее всего, этот обычай возник из-за регулярных указаний на то, что затхлый спертый воздух вреден, в трудах доктора Арнотта. Он был уважаемым ученым, членом Королевского института, интересовался целым рядом атмосферных явлений и санитарных вопросов. В популярной прессе распространялись сообщения об одном эксперименте доктора Арнотта, они несколько искажали информацию и подогревали беспокойство викторианцев о нехватке кислорода в жилых домах. Писали, к примеру, так: «Если подвесить клетку с канарейкой под пологом кровати, в которой спят люди, к утру птицу можно найти мертвой».

Доктор Арнотт и его коллеги были обеспокоены скоплением в плохо проветриваемых помещениях углекислого газа (который в те времена называли углекислотой). Конечно, в закрытом помещении при недостаточном при-

токе кислорода люди могут задохнуться. Но ведь боялись, что и в обычном доме, с его каминами и газовыми лампами, можно если не в самом деле задохнуться, то, по крайней мере, отравиться или серьезно подорвать здоровье, вдыхая углекислый газ. Особенно много беспокойства вызывали спальни, ведь там люди проводили по нескольку часов подряд. Доктор Пай Генри Чевасс, пропагандировавший среди викторианских обывателей здоровый образ жизни, даже заявлял: «Спать в непроветриваемой комнате — чистое безумие, все равно что вдыхать яд; ибо углекислый газ — дыхательный отход, постоянно выбрасываемый легкими, — смертельно опасен». Это был весомый аргумент, и ни один медицинский специалист до конца столетия не был готов с уверенностью его оспорить. Некоторые, например доктор Шомон, стремились оценить проблему математически: определив, сколько кислорода необходимо человеку. Для здоровой жизни доктор Шомон рекомендовал около 110 кубических метров в час на одного человека. Но этот объем воздуха содержало помещение высотой 3 м, шириной 3 м и длиной 12 м, а средняя викторианская спальня вряд ли могла обеспечить таким количеством кислорода своих обитателей. Аналитики XXI века просто сказали бы, что Чевасс и его коллеги решительно недооценивали возможности для циркуляции воздуха в домах.

Сегодня наши дома намного герметичнее, чем были в Викторианскую эпоху, но даже мы редко сталкиваемся с отравлением углекислым газом. По современным оценкам, несмотря на плотно закрывающиеся рамы с двойными стеклами и отсутствие дымоходов, воздух в доме полностью меняется каждые два-три часа. Однако в Викторианскую эпоху советовали не только держать дымоходы открытыми, даже когда ими не пользовались, но и, независимо от погоды на улице, открывать верхние и нижние створки окон, чтобы обеспечить свободное движение воз-

духа в помещении. В домах, где не было дымохода, над дверью могли установить вентиляционные люки, чтобы при открытых окнах создавать сквозняк.

Если открыть окно было невозможно, качество воздуха в помещении пытались улучшить, используя миску с водой. Популярное викторианское руководство советовало: «Поставьте в комнате кувшин — и через несколько часов он поглотит все вредные вещества из воздуха, после чего воздух станет чище, а вода делается совершенно грязной». Простой опыт, позволяющий проверить уровень углекислоты в помещении, описывали сборники советов и школьные учебники. Предназначенная для школьниц книга «Наука семейной жизни» (*The Science of Home Life*) сообщала: «Если налить немного чистой воды с известью в неглубокую тарелку или блюдце и оставить на воздухе примерно на час, на поверхности жидкости образуется белесая корочка, или накипь. Это доказывает, что в воздухе присутствует углекислота». Увы, ни один из этих экспериментов не выдерживает ни малейшей критики с научной точки зрения. Во втором примере известковая корочка на поверхности воды возникала, скорее всего, потому что за час какая-то часть воды успевала испариться. А в первом примере «загрязненность» воды в кувшине, вероятно, зависела исключительно от силы воображения того, кто на нее смотрел. И в том и в другом случае некорректный научный метод использовали, пытаясь придать вес популярным идеям.

Но неужели люди действительно круглый год держали окна открытыми? Похоже, бывало по-разному. Некоторые отчеты об условиях жизни бедняков, составленные филантропами, исследователями и чиновниками, сообщали, что целые выводки детей в уличной одежде жмутся друг к другу по ночам на голых матрасах под открытыми окнами. Их родители пытались поступать правильно. Они боялись отравить детей, хотя при открытых окнах у тех не было ни

малейшего шанса на тепло. В отчетах других, не менее потрясенных очевидцев содержались описания битком набитых спящими людьми комнат с плотно закупоренными окнами. Возможность сохранять тепло заботила этих людей куда больше, чем разговоры об отравленном воздухе. Генри Мэйхью, журналист газеты *The Morning Chronicle*, описывал в своих интервью с бедняками: «Глубокой ночью в непроветриваемой комнате их общее дыхание поднималось одним удушающим потоком омерзительного зловония».

подавляющему большинству викторианцев неотапливаемое помещение с открытыми окнами обеспечивало бодрое начало дня. Покинув постель, люди осторожно вставали на то, что исполняло в их хозяйстве роль прикроватного коврика, и наступало время для следующего испытания — утреннего омовения.

МЫТЬЕ

В викторианский период влажное обтирание было основной формой личной гигиены, и с него начинался день большинства людей. К нему мужчины, а также женщины из высшего и среднего класса приступали сразу после того, как вставали с постели, не снимая длинной, просторной ночной рубашки. Но слугам и тем, кто должен был сначала вычистить решетки, начернить жаровню и разжечь огонь, обычно удавалось помыться, лишь когда с грязной утренней работой было покончено. Ханна Каллуик приводила себя в порядок перед тем, как начинала готовить для семьи завтрак, и нередко мылась на кухне. «Вымылась над раковиной и постелила скатерть к завтраку», — записала она 11 августа 1863 года. Но в большинстве случаев обтирание происходило в спальне, где уже имелась вся необходимая посуда.

Все, что для этого требовалось, — таз, ведро для грязной воды, мочалка, немного мыла и небольшой кувшин принесенной из кухни горячей воды (см. цветную илл. 2). Вода могла быть и холодной, и многие люди специально обтирались именно ею, чтобы улучшить циркуляцию крови. Кроме того, с холодной водой дело шло быстрее: кувшин можно было принести в комнату с вечера и поставить рядом с тазиками и полотенцами. Впрочем, викторианское мыло в холодной воде просто не работало — не растворялось и не мылилось, поэтому даже тем, кто ежедневно обтирался холодной водой, обычно рекомендовали хотя бы раз в неделю тщательно мыться горячей.

Обтирание по-прежнему остается весьма эффективным и экологически безопасным способом поддерживать чистоту, если вы вдруг оказались в спартанских условиях. Одного кувшина воды вполне хватает, чтобы вымыть и ополоснуть все тело. Для этого нужно налить немного воды в таз, затем окунуть в воду мочалку и отжать ее. После этого немного намылить мочалку, и можно приступать к очистке тела. Когда первая вода в тазу становится мутной, ее выливают в ведро и заново наполняют таз чистой водой из кувшина. Продолжать следует до тех пор, пока вы не станете совершенно чистыми. Мытье тела, так же как и мытье полов, можно производить по частям — намылить, сполоснуть и вытереть одну часть, а уж потом переходить к следующей. Благодаря этому вы можете обтираться, лишь слегка раздеваясь; по очереди приоткрывать, мыть и снова закрывать одеждой один участок тела, прежде чем переходить к следующему. Таким способом можно было вымыться, не слишком замерзнув, даже в январе, и соблюсти необходимые приличия, если вы, как большинство викторианцев, делили жилье с другими людьми. А некоторые части тела можно было вымыть и вовсе не снимая одежду. При необходимости на себе оставляли просторную

ПОДЪЕМ

ночную рубашку, которая не мешала доставать мочалкой до нужных частей тела. Наконец, мочалку и таз споласкивали остатками чистой воды, после чего ведро с грязной уносили вниз и выплескивали.

Рис. 2. Утренний туалет перед умывальником, 1850 г.

Влажное обтирание было главной гигиенической процедурой всех викторианских женщин: от богатой хозяйки роскошного особняка, пользовавшейся для совершения туалета набором тончайшей фарфоровой посуды с ручной росписью, до крестьянки с ее разномастными надтреснутыми глиняными кувшинами и мисками. Женщина начинала с того, что подогревала в чайнике воду, или это делала за нее горничная. Для богатых людей, у которых хватало угля в подвале, чтобы разжечь огонь, а воду утром могла принести служанка, ежедневное мытье в тазу теплой водой было обычным делом. Для тех, у кого в доме было полно детей и никакой прислуги, каждый следующий чайник го-

рячей воды отодвигался чуть дальше в область невозможного, — в таких домах мылись редко или ограничивались мытьем в холодной воде. У бедняков, влачивших жалкое существование в тесных переполненных комнатах, работавших сверхурочно и не всегда евших досыта, обычно просто не было сил ходить с кувшинами воды вверх и вниз по лестницам холодного дома.

Рис. 3. Реклама изображает девочку с тазом для мытья, чайником горячей воды и куском мыла Sunlight, 1895 г.

Ванны были скорее исключением, чем правилом, и там, где они все же имелись, ими обычно пользовались в конце дня (мы подробнее поговорим об этом в последней главе). В основном ванну принимали мужчины. Не последнюю роль здесь играли соображения благопристойности. Мужчинам было вполне комфортно прогуливаться в купальном халате по коридору богатого дома, однако о женщинах никак нельзя было сказать того же — для этого они чувствовали себя слишком незащищенными. И в тех немногих домах представителей рабочего класса, где у огня стояла жестяная ванна, ее тоже обычно принимали мужчины или дети. Даже в круту семьи очень немногие женщины были готовы расхаживать обнаженными по кухне, да и мужчины предпочитали в такой полупубличной обстановке принимать ванну в тонких хлопковых подштанниках.

До конца столетия обтирание — горячей или холодной водой, с мылом или без мыла — оставалось одной из самых распространенных гигиенических процедур. Оно позволяло быстро привести себя в порядок утром и подготовиться к новому дню. Впрочем, то, что люди вообще мылись с помощью воды, было относительно новым явлением. До викторианского периода было принято считать, что сквозь поры кожи в организм проникают разнообразные болезни. Здоровое потоотделение выводило через поры вредные вещества, но при этом кожу важно было защищать от слишком тесного контакта с источниками инфекции. Вода открывала поры, поэтому ее следовало избегать. Переносчиками болезней считались витающие в воздухе вредоносные миазмы (испарения), которые становились особенно густыми и опасными там, где царили сырость и явный дурной запах. Если вы проходили сквозь облако зловонного тумана, поднимающегося из ям кожевников или от киснущих навозных куч, мимо открытых

сточных канав или красильных мастерских, то инфекция окружала вас, пытаясь проникнуть в организм через нос, рот или кожу. Разумный человек старался по возможности избегать таких мест и носил с собой духи, чтобы отогнать миазмы. Кроме того, он старался прятать кожу под одеждой, чтобы защитить ее от подобных опасностей.

Викторианские научные исследования, касающиеся кожи и ее функций, вызвали к жизни ряд радикальных теорий. Было проведено несколько экспериментов по герметизации пор, самый известный — с лошадью. Чтобы обеспечить полную герметичность, бедное животное тщательно покрыли в несколько слоев шеллаком (раствором для лакировки мебели), и через несколько часов оно скончалось. Ученые посчитали, что лошадь задохнулась, и это якобы доказывало, что кожа играет в процессе дыхания такую же важную роль, как и в процессе потоотделения. Представления XXI века об анатомии позволяют с уверенностью утверждать, что герметизация пор привела к перегреву животного и смерти от теплового удара. Однако в Викторианскую эпоху долгое время продолжали воспринимать всерьез ошибочное мнение, будто поры кожи являются важным, пусть и второстепенным проводником кислорода в организм. И хотя более старые представления о выведении через кожу вредных веществ и отходов жизнедеятельности продолжали существовать, викторианская наука упорно стремилась изменить способы ухода за кожей.

Полезным с гигиенической точки зрения считалось держать тело по возможности хорошо прикрытым, при этом рядом с кожей должен был находиться слой хлопка или льна — одежды, которую можно было снять и тщательно выстирать. Все тело, кроме головы и кистей рук, у мужчин было закрыто рубашками, кальсонами и чулками, а у женщин — длинными сорочками и чулками. Перед сном

мужчины надевали длинную рубаху, женщины — достигавшую щиколоток ночную сорочку с длинными рукавами, а в зимнее время еще и чулки для сна и ночной колпак. Это позволяло полностью закрыть тело на время сна. Чистоплотный и думающий о здоровье человек старался менять нижнее белье как можно чаще. Те, у кого хватало времени и запасной одежды, могли делать это ежедневно — и даже по несколько раз в день. В менее обеспеченных кругах многие просто меняли ночное белье на дневное, что тоже способствовало поддержанию чистоты. Свежее белье лучше впитывало пот и грязь, и каждый раз, меняя его, вы избавлялись от скопившихся загрязнений. Кроме того, удалить с кожи жир, грязь и пот помогало растирание сухого тела чистым льняным полотенцем. Вдобавок эта процедура имела еще ряд ценных свойств: стимулировала кровообращение, придавала коже здоровый блеск и в целом тонизировала организм. А постирать полотенце совсем не сложно. Растирание гарантировало, что кожа будет чистой и вполне здоровой без воды, которая могла вызвать простуду или открыть поры для инфекции.

Этот способ действительно работает. Я знаю, потому что сама пользовалась им в течение долгого времени. Кожа остается здоровой, тело не издает никаких неприятных запахов. Ежедневное быстрое растирание специальным сухим полотенцем или щеткой для тела (обычно замшевой подушечкой на обратной стороне деревянной колодки щетки) действительно сохраняет кожу в прекрасном состоянии. В тот период, когда я дольше всего обходилась без мытья водой (четыре месяца подряд), никто этого даже не заметил. Я сама для сухого растирания предпочитаю пользоваться не щеткой, а полотенцем. Естественно, нужно уделять особое внимание подмышкам, а полотенце лучше всего брать старое, мягкое и хорошо впитывающее. Многие современные писатели и ученые обожают рассу-

ждать о том, что в прошлом, до распространения современной привычки мыться водой, от людей чрезвычайно дурно пахло. Мой опыт заставляет меня скептически относиться к этим заявлениям.

Однако верно и то, что традиция мыться теплой водой с мылом возникла как раз благодаря викторианским представлениям о дыхательных функциях кожи. Медики были обеспокоены тем, что закупоренные поры ведут к накоплению в организме ядов, способных вызвать слабость, вялость и в конечном итоге смерть. Вода и мыло помогали поддерживать кожу в здоровом состоянии и открывали поры, через которые, согласно гипотезе, в кровь мог поступать ценный кислород, стимулируя тем самым весь организм. Открытые поры также способствовали тому, что из организма свободно выходили вредные вещества — побочные продукты разнообразных недугов и болезней.

Викторианские теории о мытье и уходе за кожей побуждали людей внимательно относиться к своей одежде, в особенности одежде для сна. В целом людям советовали носить несколько слоев легкой, воздухопроницаемой одежды и не слишком плотно кутаться даже в холод. Дышащие свойства одежды, а также одеял отдельно подчеркивались в рекламе. В наши дни об этих традициях отдаленно напоминают ткани Aertex, из которых шьют спортивную одежду, и покрывала ажурного плетения, легкие и теплые, но хорошо пропускающие воздух. Однако, в отличие от этих тканей, действительно объединяющих в себе воздухопроницаемость и комфорт, «дышащие» предметы одежды Викторианской эпохи часто оказывались не слишком удобными. Яркий пример — «оздоровительные» корсеты конца XIX века. Новейший улучшенный фасон должен был помочь при проблемах с грудью и дыханием, однако это вовсе не означало, что такой корсет не сдавливал ребра. «Гигиенические» и «оздоро-

вительные» корсеты 1890-х годов были снабжены косточками и предполагали тугую шнуровку, как и прежние, — просто в них были дополнительные отверстия, чтобы кожа могла дышать.

ДЕЗОДОРАНТЫ И ЗАПАХ ТЕЛА

Утреннее мытье изменило викторианские представления о запахе, хотя дезодоранты промышленного производства стали появляться только в следующем столетии. Все больше викторианцев, по крайней мере из среднего класса, начинали свой день с мыла и теплой воды, и постепенно запах тела приобрел новое значение, бесповоротно разделив нацию на две части. Уильям Теккерей в своем романе «Пенденнис» (Pendennis; 1850) впервые употребил словосочетание «толпа немывтых». Неологизм быстро прижился как обозначение рабочего класса, позволявшее дистанцироваться от него тем, кто стоял выше на социальной лестнице. Эти люди пахли совсем иначе — обычно мылом, без всяких следов застарелого пота. Вообще, викторианское мыло на основе животных жиров и едкой щелочи пахло по-особому, весьма резко и вполне успешно маскировало телесные запахи. Во второй половине столетия приобрело популярность мыло с ароматом лаванды, фиалки, розы. Это привлекло еще больше внимания к гигиеническим привычкам людей. Цветочные ароматы, впрочем, никогда до конца не перебивавшие запах мыльной основы, были своего рода знаком отличия, который моющаяся часть населения могла носить с гордостью.

Представители рабочего класса относились к мытью водой более консервативно, хотя гораздо больше занимались физическим трудом, а значит, больше пачкали одежду и сильнее потели. Они не покупали и не читали посвящен-